

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

Первый Московский Государственный Университет
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

379.44 (с) 771 (с-м)

0-88

О Т Ч Е Т

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

И М. Г. У.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
проф. А. И. НЕКРАСОВА

БИБЛИОТЕКА
2088

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕРВОГО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
С К В А

1926

Содержание

Содержание

Печатается согласно постановления Редакционно-Издательского Совета I М. Г. У.

К
К
4 72088.

379, 441 (с) 771 (с-м)
0-88

902.6
291

Отчет Этнографо-Археологического Музея

И. М. Г. У.

ВВЕДЕНИЕ

Издание Отчетов стало обычным в наше время в ряде учреждений, заинтересованных в том, чтобы текущая работа скорейшим образом была учтена и доходила до сведения лиц, так или иначе связанных с учреждением.

Именно такой потребностью объясняется издание настоящего Отчета, основным содержанием которого должны быть статьи преподавателей и студентов, публикующие памятники археологии, искусства и этнографии, находящиеся в нашем Музее, а также вне его, если только последние составляли предмет проработки на семинариях Этнологического Факультета.

В последнем направлении возможны теоретические статьи без опубликования памятников. Но необходимым условием всякой статьи является новизна материала или точек зрения при условии строгой научности, хотя бы и при краткости изложения. Задачей Отчета является также дать картину текущей жизни Музея в интересах не только постоянного отчета, но и исходного пункта для планомерного внутреннего развития Музея, как научно-вспомогательного учреждения. Наконец, имеется в виду систематическое опубликование текущей литературы по этнографии, археологии и искусствоведению как на русском, так, по возможности, и на иных языках, а также библиографии применительно к коллекциям Музея. В частности, имеет общее значение опубликование памятников из коллекций нашего Музея, как научно-вспомогательного учреждения, обычно менее доступных и известных, нежели коллекции общегосударственных или краеведных Музеев.

Заведующий Этнографо-Археологическим Музеем И. М. Г. У.

проф. А. И. Некрасов.

1 марта 1926 г.

W

Статуи-скворешни

Круглая деревянная пластика в русском народном искусстве встречается не часто ¹⁾. Тем не менее, русская народная деревянная скульптура знает статуи. Можно различить, вместе с тем, типические явления скульптурного выражения с формальной точки зрения по связи с тем смыслом, который в данное произведение вкладывается. Совершенно особо стоят монументальные скульптурные произведения церковного характера ²⁾. Эти фигуры иератического характера нередко отличаются своей статикой и фронтальностью, как статуи фараонов и принцев в египетском искусстве ³⁾. Нет никакого сомнения, что и там и здесь черты стиля, в его общности выражения посредством широких плоскостей, медленных и неуклюжих поворотов поверхностей, даже в его внесении графики и подкраски, объясняются задачами того внутреннего выражения, которые ставит художнику статуя иератического смысла. В русском народном искусстве можно указать наличие иератических статуй не церковного, а гражданского значения. Так в Егорьевском Отделении Этнографо-Археологического Музея 1-го М. Г. У. находится статуя сидящего купца, в своем роде параллельная египетскому фараону и в то же время близкая по своему формальному выражению какой-нибудь церковной статуе (например, преподобного Нила Столбенского). Статуя купца дает фигуру в парадном одеянии, т.-е. длинном сюртуке с медалями и сапогах бутылками, с руками, положенными на колени, в вышеописанной стилистической трактовке.

Изображая русского „фараона“, мастер не знал, конечно, египетских статуй, но, несомненно, исходил из типа сосредоточенных в себе преподобных. В Музеях можно еще найти статуи купцов и генералов того же типа и стиля; но в тех же условиях изображения встречаются также фигуры крестьян, хотя гораздо реже. В Историческом Музее находятся две статуи, почти в натуральную величину, изображающие крестьянина и крестьянку, торжественно стоящих перед зрителями в фронтальной позе. Получается впечатление той торжественной и натянутой позы перед фотографом, которая так известна на „семейных“ фотографиях нашего народа (например, на фотографиях молодоженов). Ясно, что поза и стиль идут от воздействий городской культуры путем возбуждения определенных, тоже иератических, переживаний, отлагающихся на скульптурной форме в определенной стилизации. Более часто, чем целые статуи, мы находим отдельные формы человеческой фигуры, как украшение того или иного предмета практического назначения. Заметим, что вышеуказанные статуи никакого практического назначения не имеют.

¹⁾ Подробнее см. в нашей книге «Русское народное искусство». М. 1924. Стр. 101—137.

²⁾ См. Бобринский. «Народные русские деревянные изделия». Вып. IX; табл. 130. Вып. X; табл. 142, 143. Вып. XI; табл. 161, 162, 163. Вып. XII; табл. 190, 191, 192.

³⁾ Существует также множество статуй иного стиля, идущих от западного барокко.

Нередко на конце ручки валька появляется кругло-точенный кулак или голова ¹⁾). Нельзя не видеть, что в данном случае перед нами декоративное осмысление той части предмета, которую мы называем ручкой или головкой. Из декоративной же потребности рождается, например, весьма древний мотив что-либо изрыгающей пасти или рта, который мы находим на донце прялки в виде головы крестьянина с раскрытым ртом для вставки столбика ²⁾). При этом нельзя не отметить, что определенно бытовой характер изображения приобретает оттенок юмористический. Возможны, конечно, и иные условия появления головы или маски в качестве декоративного мотива ³⁾). Человеческая фигура в целом в качестве круглой пластики, помимо вышеуказанных практического назначения произведений, является чаще всего, как игрушка, в размерах весьма незначительных ⁴⁾). Женская фигура чаще является в игрушке, чем мужская, при чем в основе такой „куклы“ лежит и формальный принцип ⁵⁾). Отсутствие овладения пространством, статичность и замыкание плоскости — обычное явление. Выход из этой условности,

Рис. 1.

Рис. 2.

несомненно, относится на счет воздействия фарфоровых статуеток ⁶⁾). Надо думать, сложным путем к середине XIX века создается замечательная русская народная игрушка, передающая народный быт в своеобразных чертах стиля со значительной свободой, но и в своеобразной сдержанности, в обобщающей форме, но без импрессионистических тенденций ⁷⁾.

Мы находим здесь рыбаков, мужиков с медведями, бабу с ведрами, крестьян за работой, даже целые хозяйства. Главным образом, Московская губерния ⁸⁾ поставляет подобные игрушки. Однако это — игрушки, т.-е. игра в жизнь; быть может, даже пародия на жизнь. Совершенно естественно, что связывающей иератичности в данном случае быть не может.

Крайне редко встречаются монументальные статуи того же свободного стиля. Это — статуи-скворешни. В Егорьевском Отделении Этнографо-Археологического Музея 1-го М. Г. У. находятся две таких статуи. Баба (рис. 1) с ведром и палкой в руках (0,95 м. выш.) сшита из отдельных кусков дерева. Туловище представляет пустую колоду;

1) Бобринский. Ibid. Вып. V таб. 63, 64; вып. XI, таб. 150.

2) Ibid. Вып. II, таб. 151.

3) См. Щербаківський. «Країнське Мистецтво». Рис. 121. Особое место, скорее в ряду «коньков», чем человеческих фигур, занимают кронштейны-всадники. См. «Украинское народное творчество». Изд. Полтавского земства. Серия 4. Резьба по дереву. Вып. 2-й, рис. 62, 72.

4) Близки к тому же типу некоторые завершения предметов женского труда или утвари. См. наше «Русск. народ. искусство», стр. 103—104.

5) Ibid. Стр. 114.

6) Ibid. Стр. 115.

7) Ibid. Стр. 116.

8) Бобринский. О. с., вып. VI; таб. 70, 77, 78, 81, 82, 83, 84.

в отверстие на шее должен влетать скворец. Левая рука, держащая палку, смело вынесена вперед, чем нарушается строгость все же в общем сдержанной фигуры. Платье носит следы реализма; подробности были даны подкраской. Главнейший интерес к голове и лику „старой бабы“ определил и значительность ее об'емов и момент легкого комизма, на границе которого стоит изображение.

Рис. 3.

уезда (теперь Московской, прежде Рязанской губ.). Мастер был по специальности плотником и сделал обе статуи для себя, поставив их на кровле своей избы.

Рис. 4.

Юмористический тон произведения (дело барина в том, чтобы покуривать трубку, баба же носит воду) как бы развязал руки мастеру, дав его статуе свободу движений, свободное течение поверхностей, экспрессию. Мы знаем статуи-скворешни в Историческом Музее. Особенно замечательна баба (рис. 3), большеголовая и круглоглазая, протягивающая правую руку с кистью, сложенной в щепоть, а в согнутой левой руке держащая овальную табакерку. Статуя раскрашена, а на табакерке написано: „панюхам“ (понюхаем). Фонетические данные надписи не противоречат происхождению статуи из северной части Рязанской губ., за что говорит и костюм табачницы. Глубоко юмористическое впечатление производит ее длинный нос, под который должен влетать и из под которого должен выпархивать скворец

Рис. 5.

через открытый рот, как бы понюшка и ее результаты. Несмотря на сдержанность фигуры, руки ее мешают созданию какой-либо фронтальности. В менее изысканных памятниках она может появляться. Сюда относятся две другие статуи Исторического Музея: 1) курящий чубук

Другая статуя, мужская (выш. 1,1 м.), еще свободнее и прямо рассчитывает на улыбку зрителя: перед нами „барин“ (рис. 2) в феске, курящий чубук, одетый в длинный пиджак и широко шагающий, согнув левую руку калачом, а правой поддерживая трубку. Раскрытый естественно при курении рот, обрамленный надвое расчесанной бородой, готов принять в себя прилетевшего скворца или выпустить находящегося внутри колоды, сшитой также из отдельных кусков дерева. Феска, чубук и „скобелевская“ борода не оставляют сомнения в эпохе создания статуи. Устное предание города Егорьевска сохранило имя мастера — Василия Тимофеевича Савина, жившего около 50 лет тому назад в деревне Тимирево, Егорьевского

„барин“ (рис. 4) в кепке 70-х годов XIX в., отличающийся от Егорьевской статуи отсутствием размашистой походки и прямолинейностью туловища; 2) человек в ушастой шапке (рис. 5), туловище которого, лишенное ног и рук, представляет круглый обрубок дерева с насаженной на нем головой; так, наклонность увеличивать голову уничтожила фигуру, как таковую. Две последние статуи (особенно вторая) теряют привкус пародии и, вместе с тем, свободы.

Интересно, что юмористическая по духу и свободная по форме статуя явилась не в своем самодовлеющем значении, как статуя иератическая, а в результате побочного „практического“ соображения дать жилище скворцу. Настаивать на какой-либо локализации и дате происхождения подобных статуй-скворешен мы пока не решаемся.

А. Некрасов.

Рязанские пломбы

В Этнографо-Археологическом Музее 1-го Московского Государственного Университета имеются 138 маленьких свинцовых знаков типа привесных печатей, перешедших в Музей вместе с другими предметами из имущества б. Московского Археологического Института, по упразднении последнего в 1922 г. Поступили эти знаки в Институт из Рязани с отметкой их происхождения из находок недалеко от Старой Рязани, у горы Сакар (Сокол), но без дальнейших пояснений или подробностей. По своей фактуре, технике, изображениям на них и, вообще, по внешнему виду пломбы эти почти тождественны с так называемыми дрогичинскими пломбами, о которых существует небольшая литература, не приведшая впрочем ни к каким положительным выводам и заключениям. Поэтому весьма важно сперва подвести итог внешних деталей как тех, так и других, т.е. дрогичинских и рязанских пломб, тем более, что первых известно свыше 2.000 экз., а вторых не более нескольких сот, затем рассказать вкратце о существующих в науке мнениях о дрогичинских находках, в связи с историей Дрогичина, и тогда уже приступить к попытке решения проблемы пломб обеих находок.

Изображения на обеих сторонах пломбы очень разнообразны, благодаря вариантам рисунков; тут встречаются: 1) лица и поясные фигуры; 2) буквы кирилловской азбуки; 3) буквы латинские (редко); 4) остатки легенд латинских (редко); 5) следы надписей и слов арабским шрифтом (реже всего); 6) тамги гераевские и Золотой Орды; 7) герб Каффы (редко); 8) герб банка св. Георгия (редко); 9) тамги с дополнениями; 10) кресты в чистом виде и с разным прибавочным орнаментом (очень много); 11) фигуры человека; 12) животные; 13) свастика; 14) герб Венеции и 15) разные знаки.

Пломб с тождественными изображениями на Av. и Rv. и вообще одинаковых комбинаций пока неизвестно, равно как и могущих считаться произведениями одного и того же штампа для обеих сторон. Односторонних изображений почти нет.

Перехожу к Дрогичину, его находкам и высказанным в литературе мнениям по поводу его пломб.

Первое, ставшее уже достоянием науки, появление пломб в Дрогичине относится к 1864 г. Дрогичин—это б. заштатный город Гродненской губ., Бельского уезда. Лежит он на З. Буге и рекою делится на 2 части—правобережную и левобережную. Первая часть по местному называлась Ляцкое и числилась по Гродненской губ., вторая, левая,

носила название Русское и принадлежала к Седлецкой губернии. История его, в двух словах, такова. В XII в. это было укрепленное, пограничное место и принадлежало России. В следующем веке им уже распоряжались Мазовецкие князья, и один из них, Конрад, отдал его рыцарям Добрянским, но вскоре, и именно в 1240 г., город был разрушен татарами Золотой Орды. Затем он снова был отнят Литвой, но до XVI в. не раз переходил из рук в руки,—то русским, то Литве, то татарам. К XVI в. он становится одним из наиболее богатых и благополучных городов. Это—период его расцвета, за которым очень скоро начинается его полный упадок, и он больше не играет никакой роли в истории.

Пломбы были найдены на русской стороне, в разливе Буга. Сначала 20 штук из них попало в 1864 г. в руки археолога гр. К. Тышкевича, который обратился за разъяснениями в Виленскую Академию Наук. Последняя, исходя из того соображения, что Дрогичин находится в древней области ятвягов, высказалась, что пломбы эти могли быть печатями ятвягов. Тышкевич не согласился с таким мнением и в статье, в I т. Древностей Московского Археологического Общества 1865 г., высказал мысль, что они скорее могли быть талисманами ятвягов или же, нося изображения домашних ятвягских божеств, служили заменой жертв. С этой статьи, сделавшей впервые известность этих пломб и в России и за границей, и стала развиваться специальная о них литература, продолжавшаяся до 1895 г., т.-е. 30 лет, с перерывами, когда, за невозможностью серьезно и точно определить происхождение и назначение пломб, совершенно прекратилась. Мнения ученых разделились. Так, чешский ученый Зап и два английских Скарс (Skarsh) и Роч-Смис (Roach-Smith) признали пломбы за товарные клейма (trade-marks); харьковский профессор Лучицкий, указав на существование в Германии в XII—XIII в.в. товарных пломб и таможенных печатей, считал Дрогичин местом перегрузки с судов на телеги товаров из Торна и Данцига в XII—XIII в.в.; близко примыкают к этому мнению Н. Леопардов, об'явивший их „печатью царева мужа“, т.-е. таможенными клеймами, и проф. Лихачев, высказавшийся за их „торговое или таможенное происхождение“; польские ученые Лелевель, Пекосинский и Малицкий искали и находили в изображениях на пломбах корни геральдических и сфрагистических эмблем; отчасти этого мнения держался в некоторых статьях и К. Болсуновский; А. А. Котляревский и, особенно, И. Ефименко много и странно толковали о происхождении в человечестве условных знаков собственности, но не высказали ничего определенного по отношению к дрогичинским пломбам. Лишь К. Болсуновский в своем последнем труде „Дрогичинские пломбы“ и Н. Авенариус в ряде статей отнеслись более научно и серьезно к этому вопросу; первый издал 21 таблицу с 922 пломбами и резюме всей предшествовавшей литературы вопроса, а второй, обратив особое внимание на кирилловские буквы на пломбах, пришел к выводу, что пломбы „выделялись не где-нибудь за границей, а в пределах Руси“, и высказал мысль, что они „служили для привешивания к документам“.

Трудом К. Болсуновского „Дрогичинские пломбы“, появившимся в 1894 г., закончилось обсуждение вопроса о пломбах в литературе, и вопрос этот так и остался совершенно невыясненным, и интерес к нему, повидимому, совсем упал. А меж тем Болсуновскому уже было известно о находках подобных пломб еще в 1887 г. В. Н. Ястребовым на Днепре, на острове Каменноватом, на Волге, в Твери, и на городище Старой Рязани и недалеко от него у горы Сакар (Сокол), близ Борковского могильника, А. В. Селивановым и А. И. Черепниным. Очевидно, незначительность количества этих пломб, их полная тождественность с дро-

гичинскими и безнадежность в разрешении проблемы их оттолкнули от себя и старых и новых исследователей. Но как раз рязанские находки и дают нить к разрешению вопроса.

Выше уже было отмечено, что эти пломбы, где бы они ни были найдены,—все одного и того же типа и характера. Это обстоятельство является фактом первостепенной важности. Раз в столь различных местах—в Дрогичине на Зап. Буге, в Старой Рязани на Оке, на о. Каменноватом на Днепре и на Волге в Твери везде находятся одни и те же знаки, одной техники, с одинаковыми изображениями, несомненно, что тут везде существовали какие-то общие условия, требовавшие или вызывавшие применение однотипных знаков в один и тот же какой-то период. Конечно, таковыми могли быть и таможенные и торговые пломбы, но данных для того, чтобы Дрогичин или Старая Рязань были

Рис. 6.

крупными торговыми пунктами для привоза иноземных товаров, так что требовались таможи и таможенные чиновники, нет никаких. В пломбах к тому же нет никаких признаков официальности этих знаков, нет соответствующего однообразия и обязательной повторности таковых, нет никаких характерных черт происхождения хотя бы части из Германии или Польши, или Литвы; да, наконец, нельзя же думать, что во всех этих пунктах продавали одни и те же товары, действовали одни и те же фирмы или купцы, служили одни и те же чиновники таможи. Преобладающий знак на пломбах—это татарские тамги, а западно-европейских характерных знаков на них нет, следовательно, путь от Дрогичина, если и был постоянный для чего-нибудь на юг, к Крыму, то не для торговли. Рязань с своей стороны могла быть лишь транзитом, если и для торговых целей, то опять-таки с татарским Востоком—Астраханью, Азовом и Крымом. И, действительно, она была промежуточным пунктом на пути из Киева и Москвы в указанные места. Этой дорогой ехал Иосафат Барбаро и Амвросий Контарини, оба в XV в., а барон Герберштейн в первой половине XVI в. Могла быть тут и торговля и купцы, но неужели это были все те же товары и купцы, что и в Дрогичине? Наконец, страшное разнообразие среди пломб, отсутствие двух совершенно подобных экземпляров, отсутствие явно официальных типов,—все это указывает на то, что каждая пломба была представителем одного лишь лица, единицей вполне индивидуальной в каждом случае. А пломб одних дрогичинских известно до 3.000 штук! Это обстоятельство и все только что сказанное выше об отсутствии явных признаков торгового и таможенного типа, наличие всех условий для обычной привески к документам заставляют признать, что эти пломбы были печатями частного и, быть может, частью полуофициального характера, но все же личными печатями, заменявшими подпись участников при заключении какого-либо акта, более или менее официального характера, но не договора или официального или правительственного акта.

Если теперь внимательно присмотреться ко всем изображениям и их комбинациям (лиц. и об. стороны) на пломбах, то невольно приходишь к выводу, что эти печати представляют собою только две стороны: одну русскую, с кирилловскими буквами, их комбинациями с обеих сторон, с буквой и русским (не испорченным) крестом и даже с буквой

и стилизованной тамгой, и другую сторону, пока неизвестную, с остальными изображениями и их комбинациями (на Av. и Rv.). Одно можно сказать, что среди этой части пломб значительно преобладают разных видов и типов татарские тамги Золотой Орды и Крыма.

Более или менее полному разрешению вопроса о пломбах может послужить, главным образом, установление, хотя бы приблизительное, эпохи изготовления этих пломб.

Данные для решения последнего вопроса находятся, по-моему, на самих пломбах, и из всех оттиснутых на них знаков легче всего поддаются определению татарские тамги. Самой молодой из них надо признать тамгу Гераев (Гиреев) (см. рис. 6, две первые в верхн. ряду) татарской династии, наследницы ханов Золотой Орды в обладании Крымом, ставшей владельцем его в 1440 г. и правившей там до конца XVIII ст. По рисунку на пломбах тамга относится ко времени первых Гераев—Хаджи-Герая (1440—1466 г.) и Менгли-Герая I (1468—1515 г.). Идя назад, мы видим на пломбах знак банка св. Георгия, которому принадлежала Кафа с 1453 по 1475 г., когда Крым был завоеван Османскими турками, оставившими Гераев править, лишь урезав сильно их права и привилегии, а также и изображение льва св. Марка, герба Венеции, от которой зависел банк. Затем ближайшими предшественниками венецианцев являются генуэзцы, которым принадлежала Кафа до 1453 г. Генуэзские консулы чеканили тут свою монету с гербом Кафы и с тамгами последних ханов Золотой Орды с 1420 г. Как Кафинский герб, так и тамги этих ханов фигурируют на пломбах. К ним же могут быть отнесены и латинские буквы и подражания итальянским и частью византийским изображениям императоров и, быть может, святых и остатки латинских легенд. Немецких, польских и литовских характерных знаков нет. Остальные знаки—орнаментные кресты и тамги, фантастические звери, свастика и т. д. не поддаются определению, как простые орнаментальные фигуры, и не могут быть отнесены к какой-либо определенной эпохе.

Исходя из этой мысли, что знаки правления и власти предшествовавших повелителей Крыма могли перейти в частное употребление и применение, а также и в стилизацию лишь по окончательном падении и исчезновении их создателей и носителей и уничтожении последних, и из того факта, что Крым с 1475 г. попал в могущественные руки новых восточных властителей, турок,— можно, кажется, довольно твердо предположить эпоху пломб 1475—1480 годами.

Эпоха эта совпадает с началом падения вел. княж. Рязанского и решительной борьбы его с Москвой за самостоятельность, окончившейся в XVI в. уничтожением Рязанского княжения, а также с концом столкновений Рязани с крымцами (Менгли-Герай) и с усиленным обменом пленников с той и другой стороны и появлением частичных договоров с Крымом, а потому можно предположить, что пломбы—это печати от различного рода мелких договоров, соглашений и актов как полуофициальных, так и частных, между рязанцами и крымцами. В это же время создались особо-дружеские отношения между Литвой и Рязанью, так что несколько лет спустя последний рязанский князь Иван Иванович, спасаясь от московских рук, бежал в Литву. Дрогичин же, как нейтральный пункт, хорошо известный крымцам и более близкий к нам, стал главным центром для всяких сделок рязанцев с крымцами, в том числе и для обмена и выкупа пленников. Кстати сказать, что на такого рода документах и даже частных (договорных, рядных, поземельных, купли-продажи) обыкновенно в XV и XVI в.в. привешивали печать все участники акта.

в отверстие на шее должен влетать скворец. Левая рука, держащая палку, смело вынесена вперед, чем нарушается строгость все же в общем сдержанной фигуры. Платье носит следы реализма; подробности были даны подкраской. Главнейший интерес к голове и лику „старой бабы“ определил и значительность ее об'емов и момент легкого комизма, на границе которого стоит изображение.

Рис. 3.

уезда (теперь Московской, прежде Рязанской губ.). Мастер был по специальности плотником и сделал обе статуи для себя, поставив их на кровле своей избы.

Рис. 4.

Юмористический тон произведения (дело барина в том, чтобы покуривать трубку, баба же носит воду) как бы развязал руки мастеру, дав его статуе свободу движений, свободное течение поверхностей, экспрессию. Мы знаем статуи-скворешни в Историческом Музее. Особенно замечательна баба (рис. 3), большеголовая и круглоглазая, протягивающая правую руку с кистью, сложенной в щепоть, а в согнутой левой руке держащая овальную табакерку. Статуя раскрашена, а на табакерке написано: „панюхам“ (понюхаем). Фонетические данные надписи не противоречат происхождению статуи из северной части Рязанской губ., за что говорит и костюм табачницы. Глубоко юмористическое впечатление производит ее длинный нос, под который должен влетать и из под которого должен выпархивать скворец через открытый рот, как бы понюшка и ее результаты. Несмотря на сдержанность фигуры, руки ее мешают созданию какой-либо фронтальности. В менее изысканных памятниках она может появляться. Сюда относятся две другие статуи Исторического Музее: 1) курящий чубук

Другая статуя, мужская (выш. 1,1 м.), еще свободнее и прямо рассчитывает на улыбку зрителя: перед нами „барин“ (рис. 2) в феске, курящий чубук, одетый в длинный пиджак и широко шагающий, согнув левую руку калачом, а правой поддерживая трубку. Раскрытый естественно при курении рот, обрамленный надвое расчесанной бородой, готов принять в себя прилетевшего скворца или выпустить находящегося внутри колоды, сшитой также из отдельных кусков дерева. Феска, чубук и „скобелевская“ борода не оставляют сомнения в эпохе создания статуи. Устное предание города Егорьевска сохранило имя мастера — Василия Тимофеевича Савина, жившего около 50 лет тому назад в деревне Тимирево, Егорьевского

Рис. 5.

через открытый рот, как бы понюшка и ее результаты. Несмотря на сдержанность фигуры, руки ее мешают созданию какой-либо фронтальности. В менее изысканных памятниках она может появляться. Сюда относятся две другие статуи Исторического Музее: 1) курящий чубук

„барин“ (рис. 4) в кепке 70-х годов XIX в., отличающийся от Егорьевской статуи отсутствием размашистой походки и прямолинейностью туловища; 2) человек в ушастой шапке (рис. 5), туловище которого, лишенное ног и рук, представляет круглый обрубок дерева с насаженной на нем головой; так, наклонность увеличивать голову уничтожила фигуру, как таковую. Две последние статуи (особенно вторая) теряют привкус пародии и, вместе с тем, свободы.

Интересно, что юмористическая по духу и свободная по форме статуя явилась не в своем самодовлеющем значении, как статуя иератическая, а в результате побочного „практического“ соображения дать жилище скворцу. Настаивать на какой-либо локализации и дате происхождения подобных статуй-скворешен мы пока не решаемся.

А. Некрасов.

Рязанские пломбы

В Этнографо-Археологическом Музее 1-го Московского Государственного Университета имеются 138 маленьких свинцовых знаков типа привесных печатей, перешедших в Музей вместе с другими предметами из имущества б. Московского Археологического Института, по упразднении последнего в 1922 г. Поступили эти знаки в Институт из Рязани с отметкой их происхождения из находок недалеко от Старой Рязани, у горы Сакар (Сокол), но без дальнейших пояснений или подробностей. По своей фактуре, технике, изображениям на них и, вообще, по внешнему виду пломбы эти почти тождественны с так называемыми дрогичинскими пломбами, о которых существует небольшая литература, не приведшая впрочем ни к каким положительным выводам и заключениям. Поэтому весьма важно сперва подвести итог внешних деталей как тех, так и других, т.е. дрогичинских и рязанских пломб, тем более, что первых известно свыше 2.000 экз., а вторых не более нескольких сот, затем рассказать вкратце о существующих в науке мнениях о дрогичинских находках, в связи с историей Дрогичина, и тогда уже приступить к попытке решения проблемы пломб обеих находок.

Изображения на обеих сторонах пломбы очень разнообразны, благодаря вариантам рисунков; тут встречаются: 1) лица и поясные фигуры; 2) буквы кирилловской азбуки; 3) буквы латинские (редко); 4) остатки легенд латинских (редко); 5) следы надписей и слов арабским шрифтом (реже всего); 6) тамги гераевские и Золотой Орды; 7) герб Каффы (редко); 8) герб банка св. Георгия (редко); 9) тамги с дополнениями; 10) кресты в чистом виде и с разным прибавочным орнаментом (очень много); 11) фигуры человека; 12) животные; 13) свастика; 14) герб Венеции и 15) разные знаки.

Пломб с тождественными изображениями на Av. и Rv. и вообще одинаковых комбинаций пока неизвестно, равно как и могущих считаться произведениями одного и того же штампа для обеих сторон. Односторонних изображений почти нет.

Перехожу к Дрогичину, его находкам и высказанным в литературе мнениям по поводу его пломб.

Первое, ставшее уже достоянием науки, появление пломб в Дрогичине относится к 1864 г. Дрогичин—это б. заштатный город Гродненской губ., Бельского уезда. Лежит он на З. Буге и рекою делится на 2 части—правобережную и левобережную. Первая часть по местному называлась Ляцкое и числилась по Гродненской губ., вторая, левая,

носила название Русское и принадлежала к Седлецкой губернии. История его, в двух словах, такова. В XII в. это было укрепленное, пограничное место и принадлежало России. В следующем веке им уже распоряжались Мазовецкие князья, и один из них, Конрад, отдал его рыцарям Добрянским, но вскоре, и именно в 1240 г., город был разрушен татарами Золотой Орды. Затем он снова был отнят Литвой, но до XVI в. не раз переходил из рук в руки,—то русским, то Литве, то татарам. К XVI в. он становится одним из наиболее богатых и благополучных городов. Это—период его расцвета, за которым очень скоро начинается его полный упадок, и он больше не играет никакой роли в истории.

Пломбы были найдены на русской стороне, в разливе Буга. Сначала 20 штук из них попало в 1864 г. в руки археолога гр. К. Тышкевича, который обратился за разъяснениями в Виленскую Академию Наук. Последняя, исходя из того соображения, что Дрогичин находится в древней области ятвягов, высказалась, что пломбы эти могли быть печатями ятвягов. Тышкевич не согласился с таким мнением и в статье, в I т. Древностей Московского Археологического Общества 1865 г., высказал мысль, что они скорее могли быть талисманами ятвягов или же, нося изображения домашних ятвягских божеств, служили заменой жертв. С этой статьи, сделавшей впервые известность этих пломб и в России и за границей, и стала развиваться специальная о них литература, продолжавшаяся до 1895 г., т.-е. 30 лет, с перерывами, когда, за невозможностью серьезно и точно определить происхождение и назначение пломб, совершенно прекратилась. Мнения ученых разделились. Так, чешский ученый Зап и два английских Скарс (Skarsh) и Роч-Смис (Roach-Smith) признали пломбы за товарные клейма (trade-marks); харьковский профессор Лучицкий, указав на существование в Германии в XII—XIII в.в. товарных пломб и таможенных печатей, считал Дрогичин местом перегрузки с судов на телеги товаров из Торна и Данцига в XII—XIII в.в.; близко примыкают к этому мнению Н. Леопардов, об'явивший их „печатью царева мужа“, т.-е. таможенными клеймами, и проф. Лихачев, высказавшийся за их „торговое или таможенное происхождение“; польские ученые Лелевель, Пекосинский и Малицкий искали и находили в изображениях на пломбах корни геральдических и сфрагистических эмблем; отчасти этого мнения держался в некоторых статьях и К. Болсуновский; А. А. Котляревский и, особенно, И. Ефименко много и странно толковали о происхождении в человечестве условных знаков собственности, но не высказали ничего определенного по отношению к дрогичинским пломбам. Лишь К. Болсуновский в своем последнем труде „Дрогичинские пломбы“ и Н. Авенариус в ряде статей отнеслись более научно и серьезно к этому вопросу; первый издал 21 таблицу с 922 пломбами и резюме всей предшествовавшей литературы вопроса, а второй, обратив особое внимание на кирилловские буквы на пломбах, пришел к выводу, что пломбы „выделялись не где-нибудь за границей, а в пределах Руси“, и высказал мысль, что они „служили для привешивания к документам“.

Трудом К. Болсуновского „Дрогичинские пломбы“, появившимся в 1894 г., закончилось обсуждение вопроса о пломбах в литературе, и вопрос этот так и остался совершенно невыясненным, и интерес к нему, повидимому, совсем упал. А меж тем Болсуновскому уже было известно о находках подобных пломб еще в 1887 г. В. Н. Ястребовым на Днепре, на острове Каменноватом, на Волге, в Твери, и на городище Старой Рязани и недалеко от него у горы Сакар (Сокол), близ Борковского могильника, А. В. Селивановым и А. И. Черепниным. Очевидно, незначительность количества этих пломб, их полная тождественность с дро-

гичинскими и безнадежность в разрешении проблемы их оттолкнули от себя и старых и новых исследователей. Но как раз рязанские находки и дают нить к разрешению вопроса.

Выше уже было отмечено, что эти пломбы, где бы они ни были найдены,—все одного и того же типа и характера. Это обстоятельство является фактом первостепенной важности. Раз в столь различных местах—в Дрогичине на Зап. Буге, в Старой Рязани на Оке, на о. Каменноватом на Днепре и на Волге в Твери везде находятся одни и те же знаки, одной техники, с одинаковыми изображениями, несомненно, что тут везде существовали какие-то общие условия, требовавшие или вызывавшие применение однотипных знаков в один и тот же какой-то период. Конечно, таковыми могли быть и таможенные и торговые пломбы, но данных для того, чтобы Дрогичин или Старая Рязань были

Рис. 6.

крупными торговыми пунктами для привоза иноземных товаров, так что требовались таможи и таможенные чиновники, нет никаких. В пломбах к тому же нет никаких признаков официальности этих знаков, нет соответствующего однообразия и обязательной повторности таковых, нет никаких характерных черт происхождения хотя бы части из Германии или Польши, или Литвы; да, наконец, нельзя же думать, что во всех этих пунктах продавали одни и те же товары, действовали одни и те же фирмы или купцы, служили одни и те же чиновники таможи. Преобладающий знак на пломбах—это татарские тамги, а западно-европейских характерных знаков на них нет, следовательно, путь от Дрогичина, если и был постоянный для чего-нибудь на юг, к Крыму, то не для торговли. Рязань с своей стороны могла быть лишь транзитом, если и для торговых целей, то опять-таки с татарским Востоком—Астраханью, Азовом и Крымом. И, действительно, она была промежуточным пунктом на пути из Киева и Москвы в указанные места. Этой дорогой ехал Иосафат Барбаро и Амвросий Контарини, оба в XV в., а барон Герберштейн в первой половине XVI в. Могла быть тут и торговля и купцы, но неужели это были все те же товары и купцы, что и в Дрогичине? Наконец, страшное разнообразие среди пломб, отсутствие двух совершенно подобных экземпляров, отсутствие явно официальных типов,—все это указывает на то, что каждая пломба была представителем одного лишь лица, единицей вполне индивидуальной в каждом случае. А пломб одних дрогичинских известно до 3.000 штук! Это обстоятельство и все только что сказанное выше об отсутствии явных признаков торгового и таможенного типа, наличие всех условий для обычной привески к документам заставляют признать, что эти пломбы были печатями частного и, быть может, частью полуофициального характера, но все же личными печатями, заменявшими подпись участников при заключении какого-либо акта, более или менее официального характера, но не договора или официального или правительственного акта.

Если теперь внимательно присмотреться ко всем изображениям и их комбинациям (лиц. и об. стороны) на пломбах, то невольно приходишь к выводу, что эти печати представляют собою только две стороны: одну русскую, с кирилловскими буквами, их комбинациями с обеих сторон, с буквой и русским (не испорченным) крестом и даже с буквой

и стилизованной тамгой, и другую сторону, пока неизвестную, с остальными изображениями и их комбинациями (на Av. и Rv.). Одно можно сказать, что среди этой части пломб значительно преобладают разных видов и типов татарские тамги Золотой Орды и Крыма.

Более или менее полному разрешению вопроса о пломбах может послужить, главным образом, установление, хотя бы приблизительное, эпохи изготовления этих пломб.

Данные для решения последнего вопроса находятся, по-моему, на самих пломбах, и из всех оттиснутых на них знаков легче всего поддаются определению татарские тамги. Самой молодой из них надо признать тамгу Гераев (Гиреев) (см. рис. 6, две первые в верхн. ряду) татарской династии, наследницы ханов Золотой Орды в обладании Крымом, ставшей владельцем его в 1440 г. и правившей там до конца XVIII ст. По рисунку на пломбах тамга относится ко времени первых Гераев—Хаджи-Герая (1440—1466 г.) и Менгли-Герая I (1468—1515 г.). Идя назад, мы видим на пломбах знак банка св. Георгия, которому принадлежала Кафа с 1453 по 1475 г., когда Крым был завоеван Османскими турками, оставившими Гераев править, лишь урезав сильно их права и привилегии, а также и изображение льва св. Марка, герба Венеции, от которой зависел банк. Затем ближайшими предшественниками венецианцев являются генуэзцы, которым принадлежала Кафа до 1453 г. Генуэзские консулы чеканили тут свою монету с гербом Кафы и с тамгами последних ханов Золотой Орды с 1420 г. Как Кафинский герб, так и тамги этих ханов фигурируют на пломбах. К ним же могут быть отнесены и латинские буквы и подражания итальянским и частью византийским изображениям императоров и, быть может, святых и остатки латинских легенд. Немецких, польских и литовских характерных знаков нет. Остальные знаки—орнаментные кресты и тамги, фантастические звери, свастика и т. д. не поддаются определению, как простые орнаментальные фигуры, и не могут быть отнесены к какой-либо определенной эпохе.

Исходя из этой мысли, что знаки правления и власти предшествовавших повелителей Крыма могли перейти в частное употребление и применение, а также и в стилизацию лишь по окончательном падении и исчезновении их создателей и носителей и уничтожении последних, и из того факта, что Крым с 1475 г. попал в могущественные руки новых восточных властителей, турок,—можно, кажется, довольно твердо предположить эпоху пломб 1475—1480 годами.

Эпоха эта совпадает с началом падения вел. княж. Рязанского и решительной борьбы его с Москвой за самостоятельность, окончившейся в XVI в. уничтожением Рязанского княжения, а также с концом столкновений Рязани с крымцами (Менгли-Герай) и с усиленным обменом пленников с той и другой стороны и появлением частичных договоров с Крымом, а потому можно предположить, что пломбы—это печати от различного рода мелких договоров, соглашений и актов как полуофициальных, так и частных, между рязанцами и крымцами. В это же время создались особо-дружеские отношения между Литвой и Рязанью, так что несколько лет спустя последний рязанский князь Иван Иванович, спасаясь от московских рук, бежал в Литву. Дрогичин же, как нейтральный пункт, хорошо известный крымцам и более близкий к нам, стал главным центром для всяких сделок рязанцев с крымцами, в том числе и для обмена и выкупа пленников. Кстати сказать, что на такого рода документах и даже частных (договорных, рядных, поземельных, купли-продажи) обыкновенно в XV и XVI в.в. привешивали печать все участники акта.

Что касается до Рязани, то с XIII в. до XVI она была в постоянных сношениях с татарами, то мирных, то враждебных, и частичные договоры могли заключаться и в Ст. Рязани. В то же время много татар и добровольно и силой оставалось в княжестве; часть их явилась родоначальниками местных фамилий, члены которых, как Кобяковы, Селивановы и др., играли крупную роль в истории Рязани и могли для своих печатей применять и свои тамги и другие татарские знаки.

В. Трутовский.

Финифтяная пряжка

Во время моей двухнедельной практикантской работы в Егорьевском Отд. Этнографо-Археологического Музея I М.Г.У. мое внимание привлекла оригинальная финифтяная пряжка. Она состоит из двух парных, довольно толстых, литых из меди половинок, скрепленных шарниром, стержень которого утерян и заменен железной проволокой. Каждая створка в 8 сант. длины и 6 сант. ширины. Сохранность пряжки хорошая,

несмотря на утраты, из которых крупной является отсутствие орнаментированной пластинки, прикрывавшей шарнир, как это зарисовано в издании Симакова ¹⁾ на такой же пряжке, что и подтверждается двумя сквозными дырками и сточенным шпильком на узкой части верхней створки. С обратной стороны (р. 8) утрачены планки, под которыми проходил ремень, на

Рис. 7.

Рис. 8.

оставшиеся шпильки которых прикреплена поздняя железная пластинка на верхней створке. В килевидном наружном конце нижней половинки

¹⁾ См. Н. Симаков. Русский орнамент в старинных образцах художественно-промышленного производства. СПб. 1882. Табл. 3. в. Ни дата, ни происхождение, ни местонахождение не указаны.

есть два грубо пробитых отверстия, испортивших орнамент и выбивших финифть. Створки имеют вовнутрь невысокий борт, сходящийся на-нет к килевидной части. В бортах нижней створки находятся дырки: две вверху и одна внизу и, кроме того, небольшое толстое ушко. Судя по форме, толщине, величине и внутренним пластинкам пряжки, самому сгибу и сношенности шарнира можно предполагать, что она служила украшением или застежкой для пояса. Вся наружная поверхность (рис. 7) типично-восточной килевидной формы пряжки декорирована прямыми полосами, между которыми изгибаются довольно пологие и широкие дуги, симметрично соединенные тупыми носиками. В дугах помещены двух и трех-лопастные пальметки, кое-где утратившие свои растительные формы и превратившиеся в какой-то гусек, что так типично для Востока. Весь орнамент выполнен литьем и углублен резцом, которым была сделана насечка под скань; по самому же краю половинок проходит полоска, подражающая мелкой зерни. Орнамент расцвечен финифтью, преобладающие цвета которой бирюзово-голубой, темно синий, белый и лилово-розовый. Оранжево-желтый и зеленый почти не сохранились, что объясняется плохим сплавом, поверхность которого неровна и пориста. Вообще, приходится отметить пузырчатость, стекловидность и непрозрачность сплава, неумелую наливку и плохой обжиг эмали; благодаря чему она, застывая неравномерно, дает сколки от краев и быстро крошится. Это все говорит за более позднюю дату вещи, т. к. в древности знали лучше технику эмали и умели ею пользоваться. На внутренней гладкой стороне левой створки есть небольшая надпись, которую проф. А. С. Орлов признал позднейшей подделкой под более раннее время (рис. 8). Вся чисто техническая грубость литья пряжки и сплава финифти скрашивается лишь приятным ритмом и цветовой гаммой орнамента. Памятник приходится датировать XVI—XVII веками и отнести его происхождение к Востоку, делая выводы из формы, орнамента, расцветки и ручной работы, произведенной, судя по ее технике, справа налево, что также характерно и для восточного письма.

Л. Баранова.

Хроника Этнографо-Археологического Музея Этнологического Факультета 1-го М. Г. У.

Июнь 1925 г.—февраль 1926 г.

В июне 1925 года Этнографо-Археологический Музей, помещавшийся в старом здании Университета, получил новое помещение на ул. Герцена в д. 11, б. Хоровой Академии. В июле были начаты приготовления к переезду и к началу августа Музей был свернут, вещи убраны и запакованы в ящики. Одновременно продолжался пересмотр библиотеки Музея, в основе своей имеющей библиотеку б. Московского Археологического Института и унаследовавшей от него много книг, не имеющих отношения к прямому назначению библиотеки Музея.

Книги эти, всего свыше 8.000 томов, переданы в Фундаментальную библиотеку Университета. В августе приступили к свертыванию библиотеки и в начале сентября Музей и библиотека были перевезены в новое помещение, после чего начались разборка и расстановка книг. В течение 3 месяцев работы разобрано, систематизировано и расставлено по местам свыше 14.000 томов. Систематическая расстановка книг проведена детально по отделам и подотделам основных научных дисциплин, изучению которых служит Этнографо-Археологический Музей, что компенсирует отсутствие каталога, составление которого является одной из ближайших задач библиотеки.

В работах по разбору и расстановке книг деятельное участие принимали студенты Этнологического Факультета Сырейщиков, Таратынов, Кацура, Кивокурцев, Журов и вольнослушательница Севастьянова. Ценным приобретением Этнографо-Археологического Музея является библиотека, пожертвованная проф. В. К. Трутовским.

Библиотека состоит из 4.000 томов книг по искусству, археологии, этнографии, нумизматике, геральдике, сфрагистике и востоковедению. Особенно богат отдел нумизматики,—восточной, классической и русской. Есть специальные русские и иностранные журналы.

Отдел искусства содержит около 1.000 томов, между ними полный комплект журнала „Старые годы“, 8 книг издания Голышева и другие ценные издания и монографии. В отделе археологии—хорошо подобранное собрание отдельных оттисков. Много работ на восточных языках в богатом отделе востоковедения.

Библиотека Этнографо-Археологического Музея постоянно пополняется. Приобретаются новейшие московские и ленинградские издания, приобретаются также издания прежних лет. Всего за последние 6 месяцев приобретено Музеем 124 тома,—92 названья. Между ними: André Michel, Histoire de l'Art в 6 томах; Радзивилловская летопись в фотомеханическом воспроизведении изд. О-ва Любителей древней письменности; Альбом Мейерберга изд. Суворина 1903 г., „Орнаменты на памятниках древне-русского искусства“ изд. Н. П. Сырейщикова и Д. К. Трениева; „Резной камень в России“ А. А. Бобринского; ряд выпусков „Материалов по археологии России“ изд. Археологической Комиссии; новейшие книги по теории и социологии искусства, много изда-

ний по прикладному искусству. Из Егорьевского отделения Музея поступило издание Экспедиции Заготовления Государственных бумаг, с красочными изображениями предметов прикладного искусства 17—18 в. в., — 65 таблиц.

В настоящее время закончилась работа по развешиванию Музея, его разборке и расстановке и по определению и описи новых приобретений. За истекшее полугодие среди поступлений в Этнографо-Археологический Музей следует отметить: от Правления 1 М. Г. У. — фрагменты декоративного убранства 1 М. Г. У. работы Казакова и Жиллярди; из Хозяйственного отдела 1 М. Г. У. гипсовая рельефная маска конца 18-го века и гипсовый рельефный женский бюст (последний от бесэдки 1775 года, поставленной на Воробьевых горах для Екатерины II).

В августе из дублетов Егорьевского отделения Музея были перечислены некоторые предметы, из которых следует отметить: 1) ларчик трехэтажный, обитый прорезным железом; 2) валец деревянный с резным фигурным орнаментом на лицевой стороне; 3) два клише для набоек; 4) полуштоф росписной коричневого стекла; 5) два резных костяных гребешка, один 18-го века, другой начала 19-го; 6) печной кафель с рисунком в зеленых тонах человеческой фигуры с надписью „Опробую вкугу“; 7) квасник фаянсовый 18 го века; 8) фаянсовая аптекарская ваза конца 18-го века; 9) финифтяная пряжка 16—17-го века.

В настоящее время Музей обладает двумя комнатами и двумя оборудованными аудиториями. Однако Музей растет и усложняется в своем составе, сейчас это помещение уже недостаточно.

Музей имеет фотографическую лабораторию, изготавливающую фотографические снимки с памятников для лекций и семинариев; создается художественная лаборатория с материалами для ведения художественной практики студентов и техническая, обслуживающая технические работы студентов по археологии, музееведению и проч.

С окончанием работы по разборке и расстановке музейных коллекций и библиотеки Музей приступает к выполнению своих научных заданий. Составление карточного каталога музейных коллекций и картотеки памятников, параллельных находящимся в Музее, составление библиографии новейших русских и иностранных изданий по искусству, археологии и этнографии и, наконец, составление систематического карточного каталога библиотеки являются ближайшими задачами Музея.

Значительные работы по реорганизации экспозиции были произведены в Отделе Этнографии и Народного Искусства Егорьевского Отделения Этнографо-Археологического Музея 1 М. Г. У. Работы выполнялись хранителем Егорьевского Отделения К. Д. Соколовым и практикантом Л. М. Барановой по плану, разработанному на месте заведующим Этнографо-Археологическим Музеем 1 М. Г. У. проф. А. И. Некрасовым и старшим хранителем проф. В. К. Трутовским. Принимались меры для облегчения возможности преподавателям и студентам Этнологического Факультета заниматься в Егорьевском отделении, чему всемерно содействовал Егорьевский О. Н. О.; однако этот вопрос еще не разрешен вполне удовлетворительно из-за квартирного кризиса в городе Егорьевске. Несомненно, назревает вопрос о кардинальном решении всемерного использования научных богатств Егорьевского Отделения Этнографо-Археологического Музея в интересах 1 М. Г. У. Как и обычно, Егорьевское Отделение Этнографо-Археологического Музея 1 М. Г. У. несло значительную культурную работу в городе Егорьевске в интересах широких масс населения.

О. Лаврова.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Проф. А. И. Некрасов. Статуи - скворешни	4
Проф. В. К. Трутовский. Рязанские пломбы.	7
Практикант Л. М. Баранова. Финифтяная пряжка.	11
Ассистент О. И. Лаврова. Хроника Музея.	13

Этнографо-Археологический Музей I МГУ

(Ул. Герцена, 11) открыт для занятий преподавателей и студентов I МГУ по понедельникам, вторникам, средам и четвергам от 12 до 3 ч. дня; для посторонних посетителей, по предварительным переговорам, по пятницам в те же часы.

1970 31.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Энциклопедия Советского Союза

БИБЛИОТЕКА
И Д Г
№. № _____